

А.В. Малько. ТЕОРИЯ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ. М.: Юрлитинформ, 2012. 328 с.

Отечественная юридическая наука всегда проявляла известный интерес к политическим аспектам функционирования и развития права. Как известно, уже на рубеже XIX–XX вв. в контексте формирования общих представлений о предмете, методологии и задачах правоведа «право-политический» подход был признан столь же важным направлением юридической науки, как и историческое, догматическое и т.п. изучение права (С.А. Муромцев, Л.И. Петражицкий, Ф.В. Трановский и др.). Указанный подход, нацеленный на критический анализ сложившейся государственно-правовой системы и разработку эффективных механизмов ее преобразования, был неизменно востребован и на всех последующих этапах истории нашего государства и права, хотя его познавательно-преобразовательные возможности использовались по-разному, в зависимости от целого ряда объективных и субъективных факторов (политический режим и пр.). Пожалуй, только на исходе XX в., ознаменовавшегося устойчивым стремлением России встать на путь демократического правового развития, он приобрел не только важное, но и в известной мере определяющее значение. Особенно отчетливо это проявилось в интенсивной разработке общетеоретических и отраслевых проблем правовой политики. С сожалением, однако, приходится констатировать, что на фоне многочисленных публикаций, посвященных правовой политике, работы обобщающего теоретико-методологического плана остаются большой редкостью, хотя, как известно, они способны обеспечить качественный прирост соответствующего научного знания. Поэтому выход в свет монографии А.В. Малько «Теория правовой политики» является, безусловно, знаковым событием.

Появление указанной монографии, вместе с тем, – событие вполне ожидаемое. Александр Васильевич является одним из признанных и наиболее авторитетных специалистов в указанной области. За последние годы им опубликован целый ряд научных статей, монографий, курсов лекций, учебных пособий, словарей и иных работ, посвященных проблемам правовой политики, которые получили широкую известность не только в нашей стране, но и за рубежом. Усилиями ученого сформирована мощная научная школа, в рамках которой подготовлены кандидатские и докторские диссертации, организуются научные конференции, семинары и пр. мероприятия, издается журнал «Правовая политика и правовая жизнь». Как никто другой, А.В. Малько видит не только перспективы и скрытый потенциал указанного направления, но и связанные с его разработкой сложности. «В последнее время, – отмечает он, – весьма часто категорию «правовая политика» используют, что называется, «к месту и не к месту». В силу названных обстоятельств происходит определенная девальвация данной категории, ее обесценивание» (с. 72).

Наука может противодействовать указанным тенденциям только одним путем – содержательным объективным анализом соответствующего круга проблем. Такой анализ предлагает нам автор рецензируемой работы.

Центральный тезис А.В. Малько, развиваемый на страницах монографии и предопределивший ее название, состоит

в том, что научные изыскания в области правовой политики переросли уровень одного из актуальных, теоретически и практически значимых направлений юридической науки. Пришло время говорить не просто об актуальной сфере исследования, а о новом качестве научного знания – «теории правовой политики». Во всяком случае, как осторожно выражается автор, можно «сделать вывод о том, что в определенной мере «вырисовывается» теория правовой политики, которая нужна не только для самой науки, но и особенно сейчас для практики, для современной политической и правовой жизни общества» (с. 4).

Насколько обоснован указанный вывод? Не является ли он попыткой выдать желаемое за действительное в указанной сфере?

По нашему мнению, вполне обоснован и своевремен. С точки зрения развитости категориального аппарата, качественной определенности объекта и предмета познания, общезначимости полученных результатов и ряда других параметров, система обобщенного знания о правовой политике вполне соответствует указанному статусу. И монография А.В. Малько, синтезирующая и развивающая соответствующие наработки, является ярким тому подтверждением.

В первой главе «От политики права к правовой политике» А.В. Малько обращается к анализу исторических и теоретико-методологических проблем формирования теории правовой политики в отечественной юридической науке. В поле зрения автора находится обширнейший круг научных источников (в том числе зарубежных), начиная с первой половины XIX в. и заканчивая сегодняшним днем. Творчески интерпретируя наследие наших выдающихся предшественников, А.В. Малько не только наглядно демонстрирует их вклад в разработку столь сложной и актуальной проблемы, выявляет закономерности становления соответствующей категории, но и подчеркивает важность обеспечения преемственной связи в данной области. Подобная расстановка акцентов, по нашему мнению, чрезвычайно важна. Дело в том, что на протяжении значительного периода времени в исследовании правовой политики элемент научной преемственности либо откровенно игнорировался, либо недооценивался. В советской литературе (в силу известных установок официальной идеологии) теоретическое наследие дореволюционных авторов отвергалось по причине его так называемой буржуазной односторонности. В исследованиях же современных авторов зачастую наблюдается другая крайность – недооценка вклада советских ученых. Восстановление целостного видения правовой политики как исторически развивающегося научного направления, имеющего свои предпосылки, основателей, последователей и т.д., имеет большое значение для повышения общей культуры и качества научных изысканий в данной области, тем более что «история исследования понятия «правовая политика» («политика права»), – справедливо отмечает А.В. Малько, – весьма богата и содержательна» (с. 27). И это богатство, несомненно, нужно конструктивно использовать.

Научный и практический интерес представляет авторская интерпретация понятия правовой политики. А.В. Малько является одним из последовательных сторонников так на-

зываемого деятельностного подхода в понимании правовой политики. Приверженность ему он демонстрирует и в монографии “Теория правовой политики”. Правовая политика определяется им как “научно обоснованная, последовательная и системная деятельность государственных органов и институтов гражданского общества по созданию эффективного механизма правового регулирования, по цивилизованному использованию юридических средств в достижении таких целей, как наиболее полное обеспечение прав и свобод человека и гражданина, формирование правовой государственности и высокого уровня правовой культуры и правовой жизни общества и личности” (с. 42.). Указанный подход получает последовательное развитие и конкретизацию при анализе правотворческой (с. 166), правоприменительной (с. 189), конституционно-правовой (с. 231) и других разновидностей правовой политики.

Впрочем, автор книги не отвергает научную значимость и иных подходов и вырабатываемых в их рамках определений правовой политики, что, на наш взгляд, правильно. Правовая политика может анализироваться и в аксиологическом, и в инструментальном, и в иных ракурсах. Вместе с тем следует согласиться, что вне связи с соответствующей деятельностью она рискует остаться на уровне замысла, идеи, доктрины и т.д., т.е. на уровне сугубо идеологического феномена (с. 30). Деятельностный подход и в самом деле способен выполнять определенные интегративные функции в анализируемой сфере, поскольку через категорию “деятельность” есть возможность осмыслить практически все аспекты, сущностно присущие правовой политике (деятельность преследует определенные цели, использует какие-то средства, осуществляется в известных формах и пр.). Важен указанный подход и с точки зрения анализа тех реальных процессов, которые происходят в политико-правовой жизни современной России. Как известно, многие решения, принимаемые, в частности, органами власти РФ, не подкрепляются системной практической деятельностью соответствующих субъектов по их реализации, в результате чего правовая политика становится декларативной и малоэффективной. Все это лишний раз подчеркивает, что развиваемый А.В. Малько (и целым рядом его учеников) деятельностный подход является весьма конструктивным в сфере познания правовой политики и выработки соответствующих практических рекомендаций.

Одним из дискуссионных вопросов современной теории правовой политики является вопрос о ее объекте. В качестве последнего в науке фигурируют такие понятия (и явления), как “правовая система”, “механизм правового регулирования”, “сфера правового регулирования” и др. Все они, безусловно, попадают в область управленческого воздействия правовой политики. Вместе с тем ни одна из указанных категорий не способна в должной мере отразить всю полноту и сложность ее объекта. В частности, за рамками механизма правового регулирования оказываются такие важные с точки зрения правовой политики явления, как правосознание, правопорядок и некоторые другие. Аналогичные соображения можно высказать и относительно других категорий. Поэтому заслуживает внимания и поддержки позиция А.В. Малько, полагающего, что в качестве общего объекта правовой политики необходимо рассматривать такое предельно сложное явление, как правовая жизнь. Последняя охватывает всю сферу бытия права с ее позитивными и негативными проявлениями, упорядоченными и неупорядоченными процессами, закономерными и случайными факторами и т.д. Автор формулирует определение правовой жизни (с. 48) и дает развернутую характеристику ее особенностей (с. 49–56). Правовая политика, следовательно, выступает особым спо-

собом организации правовой жизни, средством ее упорядочения, а “уровень и качество правовой жизни могут считаться главным критерием эффективности правовой политики” (с. 67), – подытоживает автор.

Разделяя изложенную позицию, нельзя, вместе с тем, не заметить, что в предлагаемом автором определении правовой политики центральной категорией выступает все же “механизм правового регулирования”. Правовая политика трактуется в виде деятельности “по созданию эффективного механизма правового регулирования, по цивилизованному использованию юридических средств” (с. 42). Что же касается правовой жизни, то она фигурирует не в качестве непосредственного объекта политико-правового воздействия, а как его отдаленная цель (высокий уровень правовой жизни общества и личности). Между тем сам автор убедительно показывает, что соотношение правовой политики и правовой жизни имеет гораздо более сложный характер. Правовая политика, помимо прочего, выступает особым способом организации наличной правовой жизни, средством ее упорядочения (с. 47) и использует для этого не только юридические (в строгом смысле этого слова), но и другие средства. “Поскольку проблем и задач, которые ставятся и решаются в правовой политике, великое множество, а их разнообразие внушительно, то и набор используемых средств должен быть широким. В значительной степени именно от разнообразия освоенных средств правовой политики зависят ее характер, возможности и результаты” (с. 141–142). Иными словами, механизм правового регулирования – это лишь одно из средств правовой политики.

Проблематика правовой политики по своему содержанию и теоретическому статусу является комплексной и междисциплинарной. Указанные черты в полной мере присущи и рецензируемой монографии. Комплексное применение соответствующих положений философии, социологии, политологии, истории, теории права и ряда других дисциплин позволило автору обосновать не только логически цельную, но и достаточно реалистичную концепцию правовой политики. В то же время указанный подход помог избежать односторонних оценок и сиюминутных выводов относительно правовой политики современного Российского государства, показать сложный и внутренне противоречивый процесс ее становления и реализации в нашей стране, определить его “болевые точки”.

Несомненным достоинством монографии является тесная увязка ее основных положений и выводов с насущными проблемами дальнейшего переустройства отечественной государственно-правовой системы, поиском эффективных средств ее модернизации. Особенно отчетливо практическая направленность работы проявляется при изложении таких проблем, как: “цели и средства правовой политики” (гл. 2); “формы реализации и принципы правовой политики” (гл. 3); “виды правовой политики и пути их оптимизации” (гл. 4). Заинтересованный читатель найдет в указанных главах работы не только занимательную “пищу” для ума в виде основательной проработки соответствующих категорий, понятий, теоретических конструкций и т.д., но и продуктивную критику действующего законодательства, правотворческой, правоприменительной и иной юридической практики, ценные практические выводы и предложения.

Весьма актуальны в научном и практическом плане, в частности, параграфы монографии, касающиеся средств правовой политики (с. 107–155). Средства – это, безусловно, один из тех компонентов государственно-правовой стратегии, который играет решающую роль в вопросах ее эффективности. А.В. Малько предлагает на суд читателя, на наш взгляд,

наиболее разработанную инструментальную концепцию, включающую первичные, комплексные и прочие средства правовой политики. Особое внимание в рамках настоящей рецензии хотелось бы обратить на перспективность идеи “специальных средств правовой политики” (с. 141–155).

Надо сказать, что сам термин “специальные средства” применительно к правовой политике может трактоваться по-разному. Если, например, сопоставлять правовую политику с другими видами государственной политики, то ее специальными средствами будут выступать именно юридические инструменты (например, нормативно-правовые акты). Другое дело, когда мы пытаемся выявить внутренний потенциал правовой политики в плане ее возможностей оказывать позитивное влияние на правовую жизнь общества. Здесь требуется более дифференцированный подход, учитывающий возможности не только собственно юридических, но и иных средств. В таком контексте термин “специальные” приобретает иное значение. Речь идет о средствах, которые не являются юридическими в строгом смысле слова, но, тем не менее, в полной мере отвечают социальному назначению правовой политики и имеют важное самостоятельное значение в ее содержании. А.В. Малько относит к таким средствам концепции, программы, юридическую технику, правовой мониторинг, правовую экспертизу, систематизацию правовых актов, планирование, прогнозирование и некоторые другие, оставляя их перечень открытым (с. 142). Думается, что дальнейшее развитие указанного подхода позволит выявить скрытые возможности правовой политики и положительно отразится на ее эффективности в нашем обществе.

Большим теоретическим и праксиологическим потенциалом обладают положения монографии, касающиеся принципов (научная обоснованность, системность, последовательность, целенаправленность, реалистичность и пр.), форм (доктринальной, правотворческой, правоприменительной, правоинтерпретационной, воспитательно-обучающей и др.), видов (конституционной, уголовной, гражданской и т.д.), уровней (международной, в сфере СНГ, общефедеральной, в субъектах РФ и др.) и иных аспектов правовой политики.

Трудно не согласиться, например, с доводами автора о необходимости активизации усилий Российского государства и гражданского общества в сфере правового воспитания, формирования в нашей стране научно обоснованной правовоспитательной политики (с. 202–215). Указанное направление правовой политики является одним из самых слабых мест в деятельности нашего государства. По существу, с начала 90-х годов им никто систематически не занимался. Между тем любые позитивные сдвиги в правовой сфере невозможны в условиях деформированного правосознания (правовой нигилизм, популизм, идеализм и пр.), низкой общей и профессиональной правовой культуры. Конструктивной представляется и критика А.В. Малько в адрес соответствующих официальных документов, например “Основ государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан”. Автор

резонно, в частности, замечает, что “акценты в современных условиях нужно несколько изменить и на первое место в качестве объекта правовоспитательной политики следовало бы поставить именно чиновников и депутатов как слуг народа” (с. 208).

Подобных примеров можно привести множество. Особую весомость формулируемым автором предложениям по совершенствованию тех или иных сторон правовой политики современной России придает тот факт, что они являются не только плодом многолетних теоретических изысканий ученого, но и результатом обобщения соответствующего государственно-правового опыта, в том числе опыта ряда зарубежных государств, с которым А.В. Малько знаком весьма основательно.

Работа А.В. Малько, без сомнения, послужит мощным импульсом и методологическим подспорьем для дальнейшего развития самой теории правовой политики. Во-первых, она закладывает серьезную теоретическую основу (категории, понятия, модели и пр.) для последующей разработки общетеоретических и отраслевых проблем правовой политики, налаживания соответствующих междисциплинарных связей. Во-вторых, в работе показана научная и практическая значимость целого ряда конкретных аспектов правовой политики, которые пока не получили надлежащего теоретического осмысления (например, интерпретационная политика (с. 198–202), правовоспитательная политика (с. 203–215) и др.). В-третьих, в монографии поднимается целый ряд дискуссионных вопросов, поиск ответов на которые будет способствовать углублению научных представлений о сущности и значимости правовой политики в организации правовой жизни современного общества. Можно привести и другие обстоятельства, подчеркивающие теоретическую значимость исследования.

Изложенные суждения, разумеется, дают лишь самое общее представление о содержании и ценности рецензируемой работы. В ней немало и других заслуживающих внимания положений.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть научную фундаментальность работы, а также отметить присущие ей ясность, логичность и доступность авторской мысли. Все это позволяет рекомендовать монографию А.В. Малько “Теория правовой политики” как специалистам, обладающим соответствующим уровнем теоретических познаний, так и широкому кругу заинтересованных читателей.

Н.Н. Вопленко, профессор кафедры теории и истории права и государства Волгоградского государственного университета, Академик Российской академии юридических наук и Академии гуманитарных наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ, доктор юрид. наук;

В.А. Рудковский, профессор кафедры теории и истории права и государства того же университета, доктор юрид. наук